ДВИНСКИЙ БЕРЕЖОК

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ВЕСТНИК

№36 АПРЕЛЬ 2020 ГОДА

• **Памятники Тверской провинции**

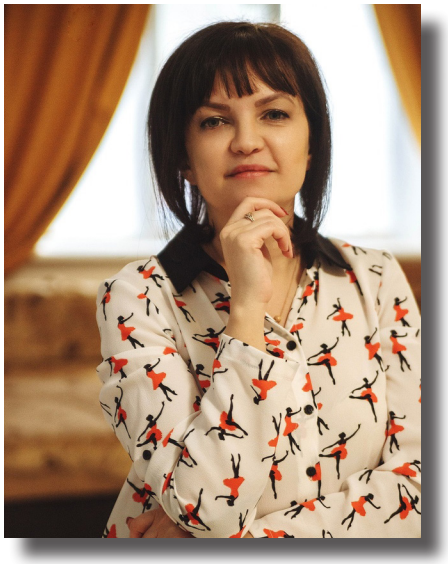
«Договор тысяч»

Памятник был установлен в Твери недалеко от фабрики «Пролетарка» в 1982 году. «Договор тысяч» был посвящен юбилею памятного события 1929 года, когда на текстильной Тверской мануфактуре (фабрике Пролетарка) был подписан договор о соревновательном мероприятии между текстильщиками Иванова, Твери и Москвы. По этому договору коллективы должны были понизить себестоимость продукции, укрепить рабочую дисциплину, успешно выполнять рабочий план и план первой пятилетки.

В соревновании приняло участие более 60 тысяч рабочих. Авторами бронзовой скульптурной композиции являются: архитектор Фролов В.А. и скульптор Антонов Д.А.

Монумент представляет собой скульптуры текстильщиков, которые стоят с листами договора; за спиной у рабочих находится знамя. На памятнике есть надпись: «Договор не простая бумажка – договор революционная клятва. Пролетарии всех стран соединяйтесь!»

«ЗЕМЛЯ НАГА ПОД ЧИСТОЙ ПРОСТЫНЁЙ…»



Виктория Панина,

г. Тверь

Родилась в 1983 году в г. Ташкенте. В Россию переехала в 1999 году, сейчас живет в г. Твери. Окончила экономический факультет института «Верхневолжье». Стихи Виктории публиковались в периодических изданиях, звучали на радио. Автор трех сборников «Мир на ладони» (2005 г.), «Песни северных ветров» (2008 г.), «Встречный ветер» (2019 г.).

Виктория Панина - Член Союза писателей РФ, активная участница литературного объединения «Рассветная звонница», лауреат ряда поэтических конкурсов.

СНЕГА

Накрыли город белые стога:
Он обесцвечен, обескровлен.
Идут, идут, идут, идут снега.
Не за тобой ли?

Несётся, спотыкаясь, по дворам
Хромое колесо метели,
И с ловкостью простого маляра
Пространство белит.

Кто раскрывает неба дряхлый зонт,
Давно необратимо спятил.
Без сил раскинул руки горизонт,
Как на распятье.

Земля нага под чистой простынёй.
И, кажется, что хочешь– требуй.
Но крошится без меры на неё
Большое небо.

Зима невозмутима и строга:
Как выжить, никому не скажет.
Идут, идут, идут, идут снега.
Идут за каждым.

СПАРТАНЕЦ

Не Слово, а Любовь была вначале.
Какого ж чёрта, не боясь разлук,
Я, сильная, податлива печали
И мнениям удачливых подруг?
Неистово блестит кольцо на пальце
И раздражает, как клеймо на лбу.
Я предала великого спартанца
И отдаюсь случайному рабу.
Чтоб всё, как надо: муж, семья и дети,
Размеренная, скучная стезя…
Но не дай бог, есть Спарта на планете
И тот, мне без которого нельзя.

ЕЙ

Враждебная, с чёлкою чёрной
И взором – острее огня,
Считайте себя отомщённой:
Он больше не любит меня.

Анна Гедымин

Когда малиновые зори
С собой разлуку принесли,

(окончание на стр. 2).

(начало на стр. 1).
Звезды осколок на просторе,
Как свет в глазах, тускнел вдали.

Когда я шла по хрупкой кромке,
Лишь смерти не задев черты,
Как королева по обломкам
Моей любви ступала ты.

Когда шумел в округе праздник,
И ты невестой назвалась,
Мне, как свидетельнице казни,
Хотелось сгинуть и пропасть.

Когда под стылым пеплом страсти
Мой дом заброшенный померк,
В твоём жилье смеялось счастье
И мой любимый человек.

Когда тебя до капли выжав,
Отыщет он приют чужой.
Я научу тебя, как выжить
С опустошённою душой.

РЕЧНОЙ ВОКЗАЛ

Оттого ли роднее душе ты моей,
что заброшен,
Предан памяти, прошлому, предан,
как я, человеком?
Крест уже постаревшей надежды
становится ношей,
Обреченьем, которое вытеснить
нечем и некем.

Здравствуй. Снова дотронусь до
стен неприглядных ладонью.
Сероглазое прошлое так же ко мне
прикасалось.
И тогда было сердце наполнено
светом, я помню.
Но пустует теперь, словно стены
Речного Вокзала.

Здесь, в туманы укутавшись,
хочется жить до восхода
И вдыхать глубину каждой ночи,
меня приютившей,
Под луной провожать бесконечно
бегущие воды
И шептать им вдогонку, а может,
себе: «Тише, тише…»

Вновь стою на краю то ли
прошлого, то ли причала.
А река предо мной, как дорога из
сказки, в три вехи.
Тихо зреет рассвет над мостом и
своими лучами
В заколоченных окнах и в сердце
всё ищет прорехи.

* * *

Одиннадцатый час глотал минуты –
И в темноте обычного двора
Фонарный свет колпак набросил
мутный
На лавочку до самого утра.
И в круглом очертании свеченья,
Как мотылёк, метался добрый рок –
И не было той музыки священней,
Правдивее и правильней тех строк
Для смелых и отчаянных
подростков
(Они хотели просто быть
взрослей).
Одетые не модно и не броско,
Играли песни о добре и зле.
Вне времени.
И только тётя Шура
Который вечер из окна кричит:
«А ну, кончайте щажже
шуры-муры» –
И по карнизу кулаком стучит…
Но обнимал ташкентский летний
вечер
И не хотелось уходить домой…

Рок жив и вечен. В памяти
засвечен
Фонарным светом двор друзей.
И мой.

ДРУГУ

Если боязно и тревожно
В эпицентре возможного взрыва,
Разминируй меня осторожно.
И красиво.

Пульс тактичен, как писк отсчёта,
Страшно в жизненных катакомбах.
Если здесь я – ты знаешь чётко:
В сердце бомба.

От неё проводов сплетенье
Длится прямо к тебе в руки.
В ком увидеть сапёра, если не
В близком друге.

В одинаково-мутные вены
Запусти алкоголь и речи.
Что в какую – ты знаешь верно,
Безупречно.

Режь больное чутьём подкожным,
Острой правдой о самом личном.
Разминируй, уже не сложно.
Как обычно…

* * *

Ты помнишь свет в моём окне,
Горящий нежно.
Он заманил тебя ко мне
Из бури снежной.
А ветер бился о стекло,
Бесясь и воя.
Хотел украсть моё тепло
И запах хвои.
Дрожали рамы и слова,
Сквозили щели.
И танцевали кружева
Под свист метели.
С корицей тёплое вино
И жар в камине
В метели греют, как в кино,
Двоих отныне.

* * *

Войны растрёпанные волосы
Лежат у мира на плечах.
Молитвы тихие, вполголоса –
Глазами в небо, при свечах –
Никто не слышит.
Дышит порохом
Изнеможённая земля.
И змейкой огненные всполохи
Выписывают вензеля,
Стелясь ожогами и шрамами
По коже мирных городов.
И дым плывёт клубами рваными
Над горем матерей и вдов.

Войны нечёсаные локоны
Всеобвивающим плющом
Закрыли и глаза, и окна нам
И всё растут, растут ещё…
Седые, спутанные, грязные,
Развязаны, не сплетены…
И нужно нам…
Нет, мы обязаны
Отрезать волосы войны.

Письма сельского почтальона

(продолжение, начало в №№19 (ноябрь) - 35 (март).

Письмо тридцать третье

МАЛОПРИЯТНОЕ ощущение, когда вдруг понимаешь, что заблудился. Растерянно озираешься - вокруг тебя совершенно незнакомый лес. Где я? Куда мне теперь? Кажется, здесь я был? Или не был? Точно не был. Не был? Как же так? Погнался за грибочком, туда сюда, ещё и ещё. Корзинка наполняется, и можно бы повернуть обратно, но какой вон там красавец белый - спешишь к нему, а от него к другому... а по ходу - малина, черника... и вот, вроде, набрал с горкой, останавливаешься, сладостно разгибаешь спину... Но ожидаемой радости нет: куда это я забрёл? Посмотрел на небо - вечереет. Прислушался – тишина. И страх мгновенно заполняет твою душу, набрасывается, как хищный зверь. Сколько таких как ты заблудилось в лесу прошлой грибной осенью...

И сразу, откуда ни возьмись, тебе начинает казаться, что там и здесь подозрительно чернеют страшные фигуры, одни затаились, другие шевелятся... Треснуло дерево... Рядом в болотце булькнул пузырь... А ведь только что ты ничего этого не видел, не слышал - шёл бодро, посвистывал, не чуя усталости. Глаза горели. Тебя несло. Ты не задумываясь углубился в незнакомую чащу. Ты всегда говорил друзьям, что никогда не заблудишься – да я, мол, то и сё... Но вот и дорогу потерял, и погода испортилась, и ночь впереди...

Начинаешь судорожно соображать, рванешься на слабый просвет между деревьями, но упрешься в непроходимые заросли, спешишь назад... Еще несколько таких же бестолковых попыток вырваться, убежать из этого враждебного места, от этого страха... И тогда ты понимаешь, что надо успокоиться, собраться с мыслями, иначе – ночь в лесу и непредсказуемый результат. Очень трудно взять себя в руки. Где и когда потерял спички, не помнишь, не заметил, и нож в кармане только перочинный... И вот у тебя из головы вылетает все, кроме вот этой реальной минуты. Есть только «здесь и сейчас», остальное где-то далеко-далеко. Грибы уже не нужны... Как быстро садится солнце... Темнота вокруг тебя все гуще и гуще. И наваливается усталость, ноги гудят. А всего лишь несколько минут назад... Господи! – говоришь ты машинально, не задумываясь. – Господи, помоги!

А потом сидишь дома в тепле и уюте, отогреваешься горячим чаем. За окнами – ночь, о стекло бьются дождевые капли, а ты вновь и вновь переживаешь эти минуты отчаяния в лесу: разве ты думал, что можешь быть таким беззащитным, таким беспомощным... Хорошо бы сделать выводы...

А вот (если у тебя есть воображение) представь, что ты среди пассажиров тонущего «Титаника» – ночью, в ледяной океанской воде... Только что ты в комфорте потягивал вино, играла музыка. Только что ты строил планы и делал знаки внимания обаятельной незнакомке за соседним столиком. Ты приметил ее еще вчера и даже решил, что вот она, моя судьба... А сегодня незнакомка тебе мило улыбнулась, и ты полон надежд. Разве думал ты о том непередаваемом ужасе, который ждет тебя через несколько минут, секунд, мгновений. Думал? Нет. А он ждал тебя... и вот – паника, крики, детский плач, ледяная вода, бездонный океан, никаких шансов выжить... и все, что тебя волновало, уже ни при чем.

А те юные и нежные существа, что в ночь на 22 июня 1941 года отмечали окончание школы и с надеждой смотрели в завтрашний день... Разве они допускали горькие мысли о том, что скоро окажутся посреди кровавой бойни и почти все погибнут?

А те, кто в начале XX века веселился на Парижской промышленной выставке под только что возведённой башней Эйфеля... Как легкомысленно они заявляли на весь мир о достигнутом промышленном рае, о светлом будущем для всех людей планеты – человек поднялся в воздух, взял в руки телефонную трубку, освоил электричество... Буйство его фантазии не имело границ. Но ещё несколько мгновений... и мировая война с тех самых аэропланов забросает их бомбами, убьет отравляющими газами...

Что ж мы ничему не учимся? Откуда в нас такая самоуверенность и самомнение? И такое равнодушие к явным признакам беды... Не хватает нам памяти, не хватает нам воображения...

А вот другой мой сельский опыт и другие размышления... Пользуясь хорошим днём я

(окончание на стр. 4).

(начало на стр. 3).

выставил из зимника ульи... Среди пчелиных семей есть у меня одна особенная, очень агрессивная. Когда захожу на пасеку, знаю: с тем ульем рядом зря не ходи – получишь! Чуть стукнешь или чихнешь рядом... тут же вылетает охрана и вьется возле твоей головы. Когда я иду смотреть эту семью, готовлюсь и одеваюсь очень тщательно. Современные пчеловоды рекомендуют такие семьи ликвидировать и путём отбора, селекции выводить тихих и мирных. (В Европе это уже повсеместная практика.) Под этим соусом «знатоки», любители всего импортного, потащили в наши русские леса и степи разные чужие породы – из Италии, Грузии, Америки... С такими пчелами безо всякого риска можно работать в белой рубашке и галстуке. Казалось бы, чего еще желать, но я не спешу, слушаю дедов, то есть, наш многовековой опыт.

Вот я выставил пчел, а на следующий день к вечеру навалился северный ветер. Я лишь ночью и спохватился, что верхние летки у меня приоткрыты как раз на север. Только рассвело, побежал. Конечно, пчелам моим пришлось лихо. Прикладываю к ульям стетоскоп, слушаю: жужжат обеспокоенно, раздосадованно. А в этой семье – тишина. Осмотрел я улей и что обнаружил – верхний леток намертво закрыт телами нескольких пчелок. Выходит, они своей жизнью спасли остальных.

А представь себе, как на позиции в пылу атаки командир кричит бойцам: прикройте кто-нибудь! А кто прикроет? Если демократия. Я? А почему не он или тот другой, третий... У нас все равны. А решают секунды. Я так думаю, что в той пчелиной семье этих вопросов не возникает. Потому она крепка, жива и не болеет. И не стоит лезть в нее с новомодными законами. А влезешь, без меда останешься.

Пчелы из этого улья первыми уходят в полет. В холода летают до последнего. Болезней почти нет. Во всяком случае справляются без меня. И выгода от них, естественно, самая большая.

Был ещё другой случай: погибла у меня одна семья. Мыши погрызли. Как не травил, как не закрывал сеткой, все одно пробрались. Пробрались и в эту «агрессивную» семью. Открыл я крышку и вижу мышиное гнездо, но самой мыши нет. Нашел я ее внизу: убита и мумифицирована прополисом. (Ну, просто никакой политкорректности).

Глядишь на мир, и невольно масса аналогий тревожит душу. Что происходит с нашим народом... Мужчины не хотят служить, женщины не хотят рожать. Улей наш разорен, снуют по нему мыши и крысы. Заморские пчеловоды все ждут, когда мы станем тихими и мирными, чтобы взять наш мед голыми руками. А мы все терпим и не жужжим. А пора бы.

Обнимаю.

Твой Д.ВА.
май 2004

Печка для школы искусств

В рамках программы благотворительного фонда «Дело благое» детскую школу искусств в Пено посетил депутат районного собрания Ю.А. Сероугольников. Поводом послужило обращение в фонд родителей детей, посещающих художественное отделение школы. На занятиях, ведет которые настоящий энтузиаст своего дела Игорь Николаевич Метляев, ребята не только учатся рисовать, но еще мастерят игрушки и разнообразные поделки из самых разных материалов, в том числе - лепят из глины. Для лепки требуется важное условие: для того, чтобы глиняные изделия, будь то посуда или игрушка, выглядели красиво, как настоящая керамика, и жили долго, на заключительном этапе их нужно обжечь в специальной печи.

Юрий Александрович осмотрел помещения, которые предполагается переоборудовать под мастерскую для работы с глиной, и пришел к выводу: школе надо помочь. Пока решается вопрос по приобретению муфельной печи для обжига глины, начался ремонт будущей мастерской.

Детская школа искусств п. Пено была создана в 1972 году. Сейчас на трех ее отделениях получают дополнительное образование 105 детей. В 2012 году учреждение получило бессрочную лицензию на право осуществления образовательной деятельности по программам: хореографическое искусство; изобразительное искусство; общее эстетическое образование; музыкальное (инструментальное) исполнительство.

В. Петрова,
п. Пено

СУРОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ВОЙНУ

Размышления о фильме «Ржев»

ПРОШЛА премьера фильма режиссера Игоря Копылова «Ржев». Хочется сказать: смотреть можно, потому, что нет в фильме ни панических ужасов, ни страдальческих жестов. Правда, очень много крупных планов, стрельба, взрывы, автоматные очереди – обычное дело для ситуации, когда нужно идти в бой или вставать в атаку. Зрителю приходится смотреть эти сцены так, как будто он сам там, среди этих окопов и ему нужно пригибаться к земле во время взрыва. Намеренно близкий крупный план и нужный ракурс. Конечно, тяжелей смотреть женщинам, но мужчинам нужнее. Фильм вообще очень «мужеский», мужественный, жесткий в интонациях, в динамике. Такова была задача – показать одни сутки войны, когда время невероятно сжато, место и действие – заодно.

Натурализмы и кровь войны сняты щадяще, скорее обыденным, скользящим взглядом бойца, которому недосуг эта кровь на снегу. Ему нужно выжить, ему некогда скорбеть об убитом товарище, не то что заниматься его упокоением в земле. Воля к жизни и больше ничего. Есть в фильме очень красивые, мощные кадры «тишины» неба, освещенного немецкой ракетой, заснеженной земли, уходящей в небо. Вот трое: ротный, Карцев и Басов должны прикрыть отход своих после жестокого минометного обстрела. И эти мужественные люди – какие-то большие, словно богатыри. А единичные предатели – наоборот, мелкие, жалкие… Видно, как люди жили в ситуации боя и обстрелов – одной минутой – сна, отдыха, еды, рукопашной схватки.

Не хватило введения и послесловия, хотя бы закадрового. Зритель далек от понимания Ржевской битвы. Да, были бои и потери, вам это скажет любой. Но почему Ржев? Да не за каждую деревню были такие бои... Повесть Вячеслава Кондратьева написана им из личного опыта, когда они также брали и не могли взять деревню Овсянниково в Ржевском районе зимой 1942 года. Поймёт ли зритель, о чем в свое время в своей повести хотел сказать нам писатель-фронтовик?

Итак, немного предыстории длиною в семьдесят семь лет. 1942: первая Ржевско-Вяземская операция, большей частью неудачная. 1962: фронтовик Кондратьев едет на места, где воевал, под Ржев и находит траншеи и, рядом, черепа незахороненных однополчан.1979-1992: писатель Вячеслав Кондратьев открывает миру «Ржевскую прозу». 1978: Ржев награжден орденом Отечественной войны I степени 2007: Ржеву присвоено звание «Город воинской славы». 2019. Начато строительство грандиозного мемориального комплекса у Ржева. Вышел в широкий прокат фильм «Ржев» о событиях 1942 года под Ржевом.

Само обращение режиссера к этой теме – уже заслуживает уважения, а уж съемки в двадцати восьмиградусный мороз – правдивые, отмыли глаза зрителю, уже привыкшему большей частью к компьютерным спецэффектам «за войнушку». Думается, для съемочной группы работа над этим фильмом стала потрясением, которое каждый пережил глубоко и по-своему, поэтому, наверное, так немногословны были они все на встрече со зрителями. По прозе В. Кондратьева последний фильм «Брызги шампанского» сняли в 1988 году. До этого были «Сашка» (1981) и «Письма с фронта»(1983). И все это – тоже часть ржевского киноромана, так же, как и вся его проза, писателем Виктором Астафьевым когда-то была названа одним целым. Поэтому «Ржев» мне видится логическим дополнением к этим трем фильмам.

Что-то привлекло авторов и создателей фильма в этой повести. Конечно, они желали «приятного просмотра», но я знала, что «приятного» точно ничего не будет, я читала повесть В. Кондратьева «Искупить кровью», читала, помню, с трудом, преодолевая едва выносимые, тяжелые страницу за страницей его до этого мне понятной, гуманной военной прозы. Откуда этот, кажется, этот антигуманный пафос и повести, и вот уже и фильма: посылать настоящих героев на бессмысленную гибель, дабы в штабах наверху всё сложилось?

Поэтому априори от фильма «по мотивам» не ждалось ничего кроме «жести». Прозу писателя-фронтовика, сержанта, надо ещё прочувствовать… Однако это у создателей фильма получилось. Получилось сделать фильм в таком же непревзойденном реализме, в каком открывается читателю этот писатель, которого нам еще предстоит перечесть.

О чем же этот фильм или эта повесть? Во-первых, о приказе сверху, который нужно выполнить вопреки здравому смыслу любой ценой. Очень знакомая ситуация и по сей день… А уж всё умолчание о ржевской трагедии и непризнание Ржевской битвы как раз отсюда. Никто ещё не дал внятного ответа за ежесуточные потери в операциях на Ржевско-Вяземском выступе, которые были по пять или восемь тысяч человек. Причем, неделями… Очень своевременный фильм. Во-вторых, оттого фильм этот еще и философский вызов: что есть человек для власти в России?

(окончание на стр. 6).

(начало на стр. 5).

Не только ли приложение к бумажке? И не так ли же порой антигуманна сама природа власти в России? Вот о чем думал писатель, о чем сам и говорил, веря в наш народ: «Можно ли забыть такое?»

В-третьих, фильм о том, кто есть кто на войне. Кто герой, кто трус, кто, кто, кто… Как известно, именно стрессовая и экстремальная ситуация выявляет в человеческой натуре все лучшее и худшее. А если это еще и условия за гранью реальности: удержать позиции зимой без подвоза еды, боеприпасов, военной техники малым числом измотанных людей и без надежды, что свои скоро подойдут… Это реальная ситуация первой Ржевско-Вяземской операции января – апреля 1942 года. Ржевский район. Деревни Паново, Овсянниково, Усово.

Почему писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев поставил когда-то все эти вопросы? Видимо, исходя из того, что никто тогда не хотел отвечать на них, Ржевской битвы в отечественной исторической науке словно бы не существовало. Нет всеобъемлющего ответа на них и сейчас, и многое нам еще предстоит узнать.

Виктория Кузнецова,

член Союза писателей РФ,

г. Ржев

Призвание - художник

В Кимрах, в районном доме народного творчества, открылась персональная выставка скульптуры лауреата премии Ленинского комсомола, участницы Всемирной выставки в Брюсселе Татьяны Сергеевны Савватеевой «Призвание – художник». Родилась она на Дальнем Востоке. С отличием окончила Московское художественное училище имени Калинина, год работала по специальности, художником-костерезом. Затем поступила в институт имени Сурикова, в 1964-м окончила учебу. Ее работы находятся в Третьяковской галерее, Дарвинском музее, собраниях российских городов, частных коллекциях. Как художника Татьяну Савватееву отличают смелость в выборе жанров (от анималистики до памятников) и материалов для своих скульптур (камень, металл, дерево, керамика). Её масштабные произведения – памятники погибшим воинам – в разные годы установлены в Сибири, под Рязанью, в Узбекистане, Таджикистане. Частью творческой биографии и источником вдохновения для Татьяны Савватеевой стала кимрская земля. Кимряки становились героями ее работ, ей же принадлежит идея установки памятника сапожнику в Кимрах. Часть скульптур художница намерена передать Кимрскому району.

Н. Иванова

«Свои люди - сочтёмся!»

Разнообразные способы привлечения читательского интереса к книге умело используют в литературном салоне «Гармония» (руководитель Е. И. Локтева), работающем при Андреапольской центральной библиотеке. Недавно здесь представили отрывки из пьес А. Н. Островского, как это водилось во времена великого драматурга.

Первая «нравственно-обличительная» комедия о русской буржуазии и российском капитализме «Свои люди - сочтемся!» была опубликована в журнале «Москвитянин», который посетители брали для чтения, а в трактире «Градобоева» у чугунного моста читали пьесу с листа по ролям. Это проделали и сотрудники библиотеки, приблизив обстановку и костюмы героев к оригиналу тех лет. Среди зрителей традиционно достойного возраста в этот день оказалась и молодежь.

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Игорь Столяров

Родился в 1977 году в Нелидове, где и сейчас живёт. Окончил Региональный финансово-экономический институт. Автор трёх поэтических книг: «Луч и ветер», «В потоке строк», «Чипованный век». Лауреат нескольких областных, межрегиональных и международных конкурсов.

УЕЗДНЫЙ ПРИЗРАК N.

«– ...А вы откуда будете?
– Да мы местные...»
(Фильм «Город Зеро»)

Этот медленный серый восход,
Что крадётся и солнце крадёт,
Точно так же неспешно придёт
Завтра.
Малый город – забытый герой,
Поглощённый zеровой дырой,
Где с дождём подаётся сырой
Правда.
Он простыл и остался таков
Из-за плена болотных тисков,
Где творится густых облаков
Творог.
Он сложился из улиц-тире
И дворов, где тоска детворе,
Где струят иномарки в каре
Морок.
Он, укрыт от беды суетнóй,
Не прибился к толпе ни одной,
Невеликий уездный родной
Город.
Он – и светлая доля, и рок
В перекрестье разбитых дорóг, –
Мне, как пара растроганных строк,
Дóрог.

* * *

…Люди службы отстоят
поминальные, –
И воюют за бездушные вещи, но
Оттого ли ты, живое, печальное
Мое сердце, никому не завещано?
Что ж, – падет слеза дождя
покаянная, –
И продолжит время сладостный
танец, а
Бессмертная душа, свыше данная,
По наследству никому не
достанется...

Владимир Юринов

Родился в 1963 году. Окончил Черниговское училище лётчиков. Поэт и автор-исполнитель, член Союза писателей России и областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья». Автор поэтических сборников: «Открытое окно» (2003 г.), «Асимметричный ответ» (2006 г.), «Дело мастера» (2009 г.), «До родниковой чистоты» (2013 г.), «Попытка поэзии» (2014 г.), трёх книг прозы: «Дверца в стене» (2014 г.), «На картах не значится» (2015 г.), «Динка и...» (2019 г.), а также нескольких CD-альбомов

ГОРОД

Город изменяется с окраин –
не в чести окраин старина,
только трудно улиц не изранить,
притерев их к новым временам.
Вот они: шеренги новостроек;
скука парков, вкатанных в асфальт;
смазанных рекламной пестротою
улиц безизвилинных тоска.
И редки теперь любви пожары,
мыслей спорных вздорные бои,
обнажён бульдозеров ножами
голый город сгорбленно стоит.
Он молчит, он смотрит изумлённо
на такую странную весну,
к спутникам своим –
микрорайонам –
руки-автострады протянув.
Вздрагивает кожа городская,
вспугивая гром авиаптиц,
линзы стёкол, приторно мерцая,
скрашивают мертвенность глазниц.
И гуляет в площадных прорехах,
в камнях обездушенной глуши
быстрозатихающее эхо
роя лакированных машин...
Только в центре спят, храня
присягу,
от времён укрыты сквозняков,
старый сквер с фонтаном да
десяток
сердцу дорогих особняков.

ЩЕКА К ЩЕКЕ...

Щека к щеке. Как занавесом сцена,
мы шторой от зимы отделены.
И полумрак, и голос Джо Дассена,
и робкая податливость спины.
И свитер к свитеру – уже нас не
заснежить,
тепло к теплу, два сердца в унисон,
и где-то вдалеке – щемяще-нежно –
простуженный и грустный
саксофон.
Щека к щеке. Навек неразделимы
мы в этом танце вопреки зиме.
Мелодия...
– Любимая...
– Любимый...
И Новый год на грешной, на земле.

• **Литературное краеведение**

«СЕЯЛИ ПРАВДУ, ДА ЧТО-ТО НЕ ВСХОДИТ...»

Анатолий Пшеничный

Анатолий Григорьевич Пшеничный родился в 1948 году в с. Ключёвка Челябинской области. Окончил филологический факультет Челябинского госуниверситета. Работал в школах Узбекистана и в Нижнем Тагиле. После окончания Дипломатической академии МИД находился на дипломатической службе. Автор книг «К огню и травам», «Орлиный камень», «Открытый урок», «Зона доверия», «Солдатская лямка» и др. Лауреат ряда премий. Член Союза писателей РФ. Автор многих песен на свои стихи. Крепкая дружба связывает Анатолия Пшеничного с нашим земляком А.В. Измоденовым, генерал-лейтенантом ФСБ. Его матери Вере Александровне Анатолий Пшеничный посвятил стихотворение «Не случайно зовешься ты Верой»..

КОМУ ТЫ НУЖЕН

Я как будто занедужил,
Слышу голос за спиной:
– Ну, скажи, кому ты нужен,
Кроме матери родной?
Кто поймёт и не осудит,
Лист почтовый теребя,
Кто печаль твою остудит,
Кто поплачет за тебя?..

Ну, а если нет спасенья,
Мир, как жуткое кино,
– Под кладбищенской сиренью
Твоя матушка давно,
Если дом твой перевьюжен,
Если окна без огней,
Ты скажи – кому ты нужен,
Кроме Родины своей?

Кто-то в гору, кто-то в нору,
И жена, махнув с крыльца,
Сыщет новую опору,
Сменит камень у кольца,
Но на дальнем перегоне
Будут душу согревать
Две горячие ладони,
Это – Родина и мать!

Потому опять и снова,
Словно вены на руке –
Два заветных этих слова
Рядом в русском языке.
Пусть сияют, завлекая,
Чужедальние края…
Там, где матушка родная,
Там и Родина твоя!

ВЕТЕРАН

Берег левый, берег правый
Пограничная волна,
Говорят - была держава,
Говорят - была страна.
Только что это за берег –
Все обломки да туман...
И выдергивает «телек»
Из розетки ветеран.

Ничего им не забыто,
В нем живет – пока живом –
Та смертельная обида
В 41-м – ножевом,
Разве ж мог он это ведать,
Что пройдут его следы –
От обиды до победы,
От победы до беды!

Он, конечно, не бездомный,
Он, конечно, пьёт и ест,
Он конверт международный
Бросит другу в город Брест,
К обелиску виновато
Подойдет он покурить:
Повезло же вам, ребята,
До такого не дожить!

Под дождем и красным флагом,
Как когда-то под огнем,
Как когда-то у рейхстага
Он стоит перед Кремлем!
...Эй, правитель, отобедав,
Глянь – стоят твои деды –
От обиды до победы,
От победы – до беды!

* * *

И опять встречает родина,
Ветерком, толкая в грудь…
Не дожил отец до ордена –
Юбилейного – чуть-чуть…
Не дожил, а было много ли
За спиной годов и вёрст!
Мне вослед березы охали,
Когда шёл я на погост.

…Слышишь, батя!
В звоне башенном
Роты вышли к рубежу!..
Я на столике покрашенном
Все награды разложу…
Слышишь, батя!! –
К полю братскому подкатился
юбилей!
Видишь –
Строю ветеранскому
Поклонился мавзолей!
И мортира за мортирою
Шлют салюты к небесам!..

Я тебе прокомментирую
Весь твой праздник – по часам…

Не дожил отец.
Качается
За окном обратный путь.

Еще как оно считается –
Это самое «чуть-чуть»…

НЕ СЛУЧАЙНО ЗОВЕШЬСЯ ТЫ ВЕРОЙ

В.А. Измоденовой

Мама, милая,
Хрупкие плечи,
Загрустив, опускать ни к чему…
Я тебя расцелую при встрече,
При разлуке –
в тоску обниму.

(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8).

Нынче праздник в родительском доме:
Твоё солнышко, твой юбилей.
Нет чужих и случайных здесь, кроме
Самых близких на свете людей.
Мы твой праздник цветами наполним
И весёлые чарки нальем,
Все года твои, милая, вспомним,
Все дорожки твои назовём!

Посветлеет родной Андреаполь,
Потеплеют родные глаза,
И, как листья осенние, на пол
Упадут за слезою слеза.

Все дороги твои непростые,
Не обычные две колеи:
О них скажут твои боевые,
Фронтовые награды твои!
От звонка до звонка, как работа,
Твою юность качала война.
Знает только морская пехота,
С каких пор у тебя седина.

…Еще мало я Богу молился
За твою сбережённую жизнь:
Ты б не выжила – я б не родился!
И внучата бы не родились!
Как нам жить – за далёким примером
Нам не ехать в чужие края:
Не случайно зовёшься ты Верой –
Наша бабушка, мама моя!

ОШИБКА

Виноватую улыбку
Ты не прячь, военкомат.
Говорят, была ошибка
Девять лет тому назад.
Там, где звезды над крестами
Золотым обведены,
Кто-то сонными бровями
Двинул в сторону войны.

И рванулись батальоны,
От речей навеселе,
По нерусской, прокаленной,
Ненавидящей земле.
Золотая чья-то рыбка,
Чей-то звездный календарь!
Уж какая там ошибка,
Коль обещана медаль!

Звездопады, как метели,
Камнепады, как дожди!
На груди не крест нательный –
Только тельник на груди,
Только рев аэродромов,
Только марши да «дела»,
Командарм товарищ Громов
И генсек Наджибулла!..

Девять лет носили стойко
Груз приказов и гробов.
А в России перестройка
Аппаратов и штабов.
Реагировали гибко:
Это что, мол, за война?
И кивнули: да, ошибка.
Ведь ошибка - не вина…

Парня у Джелалабада
Отыскало письмецо,
А над парнем, как лампада,
Друга белое лицо.
Стало зыбко, стало липко
В отчем доме у ракит…

Мама, это не ошибка –
Я действительно... убит.

РОДНАЯ РЕЧЬ

Я не привык к чужому языку,
И сколько ни учил и ни старался,
Как будто конь о камни на скаку,
Я о чужие слоги спотыкался.

А рядом были асы, знатоки…
Но холодело сердце мое снова,
Когда мои родные земляки
Вдруг русского не находили слова…

Родная речь!
От Родины вдали,
Где в слове «Русь» –
значение крамолы,
Я опирался, как на костыли,
На чуждые, скрипучие глаголы,

И как последних спичек коробок
В таёжном промороженном зимовье,
Я свой родной уральский говорок
Оберегал в трескучем чужесловье.

Спасибо, память, стражница-сова,
Что ты очей на службе не смыкала,
Не выпускала отчие слова
И без нужды чужие не впускала.

Пусть я высот служебных не достиг,
Хоть и постиг земные перегрузки,
Но не усвоил русский мой язык
Нелепой фразы:
«Как это по-русски?..»

НАС ОТУЧАЮТ РОДИНУ ЛЮБИТЬ…

…Всё на продажу. Прочее забыть.
Боготворить лишь деньги или силу…
Нас отучают Родину любить –
Единственную, кровную – Россию.

То недород, то к звёздам недолёт…
И веселится, статус свой развеяв,
Страна неполучившихся господ
И высокопоставленных лакеев.

Но в глубине родной моей страны,
Средь деревень, тоскующих о чём-то,
Бесценным слоем скрытой старины
Ещё живут Травянка и Ключёвка!

Там прописные истины строги:
Не красть, не врать, завет оставить сыну.
Там тоже пьют, но отдают долги,
Там тоже бьют, но не стреляют в спину!..

Их с каждым годом меньше – этих мест,
Где, не хитря, служить идут в солдаты,
Где непритворно крестятся на крест
И знать не знают взятки и откаты…

А мы не там – мы в блогах, мы у касс,
И поят нас не родники, а тина,
Но по ночам не зря тревожит нас
Фантомной болью память-пуповина.

И до тех пор, пока нам эту нить
Не оборвут нож острый или выстрел –
Нас не отучат Родину любить
Учителя, не знающие истин.

• Публицистика

ПРОГИБЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Возвращение мифа

Общеизвестно, расстрел пленных поляков под Катынью включен в раздел «Убийство и жестокое обращение с военнопленными» Обвинительного заключения Нюрнбергского трибунала. Менее известен другой факт: Геббельс оставил в своем «литературном наследии» саморазоблачительные записи: *«Катынское дело счастливо развивается для нас…» «… Некоторые наши люди должны быть там раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста все было подготовлено и чтобы при раскопках не натолкнулись бы на вещи, которые не соответствуют нашей линии».* Впрочем, позже Геббельс уже был не на шутку встревожен обнаружением в телах польских офицеров пуль, выпущенных из немецкого оружия: *«Это надо как-то выяснить. Это надо как-то объяснять. И, может быть, нам придется отказаться от всей этой катынской затеи».*

По мнению авторитетных историков, попытка переложить убиение поляков на органы НКВД и руководство СССР предпринималась нацистами в соответствии с методами большой лжи, обоснованными Гитлером: *«Если уж врать, то врать нагло: в большую ложь охотнее верят, чем в малую… Люди сами иногда врут в мелочах, однако большой лжи они стесняются. Следовательно, им и в голову не придет, что их так бессовестно обманывают… Большая ложь дает выигрыш во времени, а потом о ней никто не вспомнит».* Как можно предположить, делалось это в данном случае с двумя целями. Во-первых, для того, чтобы осложнить отношения СССР с союзниками в лице, прежде всего, США и Англии и настроить против нашего государства народы Европы. Во-вторых, для запугивания немецких солдат «зверствами Красной Армии», дабы они не сдавались в плен.

Со временем к фактам, установленным накануне Нюрнбергского трибунала, добавились новые. Они не оставляли сомнений в том, что расстрел польских офицеров в Катыни осуществлен именно немцами. К ним следует отнести свидетельство Вацлава Пыха. Этот польский офицер был расстрелян немцами в Катыни, но, оказавшись не убитым, а лишь тяжело раненым, выбрался из присыпанной землей коллективной могилы и спасся. Его заявление о факте расстрела было направлено Центральному Комитету ПОРП в Варшаве и в посольство СССР 8 февраля 1953 года. Текст заявления напечатан в брошюре «Шляхта и мы», написанной известным тверским краеведом, членом Тверского регионального научного военно-исторического Центра Геннадием Асинкритовым.

В этот же ряд можно поставить и другие факты, ранее неоднократно преданные огласке в печати. Так, 5 июня 1947 года был допрошен американским капитаном в американской оккупационной зоне немецкий гражданин Пауль Шнейдер. Он заявил, что во время пребывания в следственной тюрьме «Тегел» зимой 1941-1942 годов он находился в одной камере с немецким унтер-офицером из карательного полка «Великая Германия». Унтер-офицер рассказал Шнейдеру, что *«поздней осенью 1941 года, точнее, в октябре, его полк совершил массовое убийство десяти тысяч польских офицеров в лесу, который, как он указал, находится под Катынью».*

Поскольку опровергнуть эти свидетельства было трудно, наиболее эффективным способом для Запада и его спецслужб виделось найти «опровергателей» в самом СССР. Первые попытки реанимировать геббельсовскую трактовку предпринимались при власти Никиты Хрущева. Во время его правления из Центрального партархива было изъято и уничтожено множество документов (речь идет о миллионах страниц), в том числе, исчез «шелепинский» список польских офицеров, находившихся в плену в СССР. Понятно, для чего это делалось. В мутной воде неведения легче разыгрывать карту антисталинизма, начало чему положил доклад Хрущева на XX съезде КПСС.

Новая атака с использованием «катынского» и, добавившегося к нему, «медновского» «дела» началась при генсеке Михаиле Горбачеве. Тогда же было подвергнуто обструкции выдающееся достижение сталинской дипломатии – «Пакт Молотова-Риббентропа», позволивший СССР лучше подготовиться к войне с гитлеровской Германией. Печально, но факт: свою руку к этому приложил съезд народных депутатов СССР (постановление от 24. 09. 1989 г.). Напомню, председателем Верховного Совета СССР был тогда «верный ленинец» Горбачев.

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

Разоблачения подделок

Справедливо заметить: патриоты Отечества не сидели, сложа руки. Опытными специалистами-графологами поставлены под сомнение «Докладная записка наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия», «Выписка из протокола №13 заседания Политбюро ЦК ВКП (б) «Вопрос НКВД СССР» (пункт 144)» и некоторые другие «документы». Обнаруженные в них несуразности (они неоднократно приводились в патриотических СМИ) подтверждают явно сомнительный их характер. До сих пор никто не смог убедительно эти несуразности объяснить и опровергнуть.

Разоблачена и другая фальшивка за подписью Берии – якобы написанная им докладная записка от 21 июня 1941 года: «Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся нападении на СССР. Он сообщил, что «нападение» начнется завтра. То же радировал и генерал-майор В.И. Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев… Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!». Составители фальшивки не учли, в частности, того, что с 1941 г. НКВД был разделен на два наркомата – НКВД, которым руководил Берия, и НКГБ (с внешней разведкой), которой руководил Меркулов. Соответственно Л.П. Берия 21 июня 1941 года не имел никакого отношения к внешней разведке. Кто бомбардировал этой «дезой» наши мозги? Тот, кто поставил целью дискредитировать Сталина и переписать заново нашу историю.

А в 2010 году грянула сенсация! Обнаружился след созданной в начале 90-х спецгруппы фальсификаторов, работавшей на одной из подмосковных дач. Заместитель председателя комитета Госдумы по безопасности Виктор Илюхин (это к нему пришел 25 мая человек из спецгруппы) заявил: *«Неизвестный мне назвал свою фамилию, в целях его безопасности раскрывать ее пока не буду, и сообщил, что он имеет непосредственное отношение к изготовлению и подделке архивных документов, в том числе и по расстрелу пленных поляков».* В распоряжении экспертов оказались поддельные оттиски подписей, чистые бланки 30-40 годов, штампы и печати, использовавшиеся фальсификаторами.. «Катынским делом» Илюхин занимался глубоко и всерьез. Собранная им информация доказывает: это дело направлено не только против Сталина и советской системы, но и против России в целом. Свои обобщения и выводы он представил в книге «Катынское дело». Приходилось слышать, что после скоропостижной смерти Виктора Ивановича документы из его сейфа странным образом исчезли. Так ли это? Были ли там новые сведения, разоблачающие фальсификаторов, остается только догадываться.

В том же 2010-м году политолог и публицист Юрий Мухин на «круглом столе» в Госдуме по теме «Катынская трагедия правовые и политические аспекты» отмечал: *«А в Медном 243 черепа* (обнаруженных при раскопке. – В.К.) *размножаются в 6 тысяч польских полицейских. А кто сказал, что там вообще поляки?»* При этом официально идентифицированными в Медном являются лишь 16 человек.

Громом среди ясного неба стал выход книги профессора университета Монклер (США) Гровера Ферра «Катынский расстрел: опровержение «официальной версии». Вызвавшая значительный интерес у общественности, но замолчанная либеральными СМИ, презентация этой книги в Твери состоялась в 2017 году. По мнению польского историка Ромуальда Свентека, чье мнение отражено в книге, преступление в Катыни однозначно совершено фашистами. В этом он лично убедился, посетив лагеря Воркуты и Норильска, где общался с немецкими военнопленными. А в 1952 году в Норильске встретил польского капитана Владислава Жака, свидетеля преступления гитлеровцев под Смоленском:. *«От него я узнал, что немцы в самом деле захватили несколько лагерей, расположенных в этом районе, с польскими военнопленными и уничожили их, поскольку это отвечало их интересам».*

Не обойдена вниманием в книге профессора Гровера Ферра и медновская тема. Скажем, приезжающие в Медное поляки молятся над мемориальными табличками Иозефу Кулиговскому и Людвигу Маловейскому, которых считали убитыми в Калинине. Но, как выяснилось, их личные жетоны найдены в захоронениях во Владимире-Волынском на Западной Украине во время раскопок, проведенных польскими и украинскими археологами в 2011-2012-х годах. Согласно официальным отчетам польского археолога Доминики Семиньской, при раскопках близ тюрьмы в этом городе она обнаружила массовые захоронения женщин, стариков, детей, а также польских военных. Причем, жетонов польских военных и полицейских обнаружено гораздо больше, чем принято считать. Однако данные об их владельцах не попали в открытый доступ. Скорее всего, они намеренно скрываются польскими властями, чтобы окончательно не уничтожить выстроенную за долгие годы, в том числе с участием «пятой колонны» в России, ложь о советских преступлениях против поляков.

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 10-11).

«Коготок увяз - птичке пропасть»

Теперь о действиях иного порядка. К ним, увы, оказалась причастной (как в 1989-м году съезд народных депутатов СССР) российская Государственная дума. Подзабытое ныне заявление Госдумы от 26 ноября 2010 года «О Катынской трагедии и ее жертвах» выглядело моральной поддержкой фальсификаторам. В нем, со ссылкой на неназванные *«опубликованные материалы», «многие годы хранившихся в секретных архивах»,* фактически признавалась «вина» СССР за «Катынское преступление», утверждалось, что оно *«было совершено «по прямому указанию Сталина и других советских руководителей».*

То, что в юридическом и историческом плане заявление представляло собой абсурдную попытку поставить под сомнение решение Нюрнбергского трибунала, понимали многие. Но возникал вопрос: «Почему, осознавая это, депутаты его приняли?». В числе основных версий преобладали две: надо было уластить Польшу, которая противилась вступлению России в ВТО, на территории Польши открыты большие залежи горючих сланцев, добыча которых грозит финансовыми потерями для Газпрома. Мол, Польша в обмен на принятие Россией геббельсовской версии в отношении Катыни обязалась повременить с переходом на новый вид топлива. Политика, конечно, занятие не стерильное, нередко она привносится в жертву экономическим интересам правящего класса, но чтобы так безнравственно?

Называлась и более вероятная, на мой взгляд, версия: Запад оказал давление на российскую «элиту», намекнув на возможные проблемы с ее счетами в западных банках и недвижимостью. То есть, «коготки» увязли и «птички» покорно полетели в том направлении, куда нужно антироссийским силам.

Впрочем, несмотря на то, что заявление Госдумы, которое некоторые посчитали официальной позицией страны, член Зиновьевского клуба, доктор исторических наук Алексей Плотников настаивает (он не одинок в своем утверждении): современная позиция Российской Федерации предельно четко выражена в трех меморандумах министерства юстиции РФ по «катынско-медновскому вопросу». Они направлялись в европейский суд по правам человека. В них, в частности, сказано, что польская часть мемориального комплекса сконструирована и изготовлена в Польше без обращения в Генеральную прокуратуру РФ для получения официального списка жертв. Таким образом, персональные таблицы с именами погибших не могут считаться доказательством каких бы то ни было фактов.

Самая важная информация содержится в третьем меморандуме: *«Катынские события не были признаны российским военным преступлением. Факт гибели в результате расстрела доказан только в отношении 1803 польских военнопленных* (в Катыни и Медном - прим. авт.)». При этом не указывается, кто именно расстрелял поляков. Из них, как отмечалось выше, в Медном эксгумировано 243 человека и 16 идентифицировано по жетонам.

Вода на чужую мельницу

Ф.М. Достоевский в романе «Бесы» отметил: *«В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки».* Масса их расплодилась на нашей земле в конце 80-х, начале 90-х годов. В том числе - в газетах, на телевидении. Стали помогать Западу в информационно-психологической войне против СССР и России. Восхвалять чужое. Переписывать, обливать грязью наше недавнее прошлое. Дискредитировать, загонять во внутренне подполье патриотических историков и писателей, пытавшихся аргументированно воспротивиться этому процессу. Негативную роль сыграли «разные людишки», когда Генеральная прокуратура России передала Польше очередные тома материалов относительно судеб польских пленных. Это преподносилось в либеральных СМИ как передача «дела о расстреле поляков в Катыни в 1940 году». Между тем, были переданы сведения *«об историях болезни, захоронениях умерших от болезней, пересылках из лагеря в лагерь».*

Характерно, что штаты ряда изданий пополнились «разными людишками», прошедшими спецподготовку за границей. К примеру, в одной из тверских газет работал журналист М., по некоторым сведениям, усвоивший «уроки правды» в Варшаве. Он активно освещал тему Катыни и деятельность мемориала в Медном. Понятно, в каком ракурсе. Думается, не случайно оказался в числе провокаторов, пытавшихся представить калининских партизан «террористами». Не остались в стороне от поддержки западной позиции по катынским и медновским захоронениям общество «Мемориал», правозащитники, некоторые церковные деятели и чиновники.

Как-то довелось увидеть проект распоряжения губернатора Тверской области Д. Зеленина «О рабочей группе по разработке комплексного плана мероприятий по обустройству и популяризации мемориального комплекса «Медное». К проекту была приложена записка начальника областного департамента культуры Е. Шевченко. В ней сообщалось, что под Медным в 1940 году *«тайно захоронили останки более 6000 военнопленных польских офицеров, расстрелянных в этом же году в подвалах здания НКВД Калининской области».* Чем подтверждено это количество?

(окончание на стр. 13).

(начало на 10-12).

«Показаниями» престарелого бывшего начальника Калининского УНКВД Д. Токарева? Но, как пишет в своей статье «Липа с нацистскими корнями» Анатолий Вассерман , *«совершенно понятно, что в 1990 году бывшие энкавэдэшники, давая показания, ожидали суда, где им предстояло быть в лучшем случае свидетелями, а скорее обвиняемыми. И так как они были людьми юридически грамотными и очень опытными, давали такие показания, которые на суде они сами могли бы опровергнуть по всем пунктам».* Нельзя исключать и того, что сказанное ими диктовалось элементарным страхом за жизнь - свою и близких. Кто постарше, помнят, как в 90-е яростно неистовствовали «демократы», призывая к расправе над «красно-коричневыми».

Кстати, цифра - 6300 расстрелянных - упоминается в «записке Берии Сталину». Она, как отмечалось выше, согласно выводам экспертов, была сфальсифицирована. *«Печать не ЦК ВКП(б), который был в 40-м году, а ЦК КПСС. И дальше допечатано другой машинкой «Иосиф Сталин». Вообще, фактически, это без подписи, без печати, это была информационная копия»,* - объясняет Владислав Швед, второй секретарь компартии Литвы в 1990-1991 гг. Сегодня уже установлено: под Медным покоятся в основном красноармейцы, умершие в военных госпиталях, находившихся в районе этого села. Известно также: когда немцы захватили госпитали, они расстреляли всех раненых. К ним следует добавить лиц, расстрелянных органами НКВД Калининской области с июня 1937 по ноябрь 1938-го.

Видимо, захоронена в этом месте и незначительная часть поляков, умерших от ран и болезней или казненных за преступления по антисоветским статьям, что, впрочем, не дает достаточных оснований для того правового статуса, которым наделен медновский мемориал. И очень верным и справедливым видится желание представителей патриотической общественности Твери установить здесь памятник погибшим красноармейцам.

Последняя точка не поставлена

Несомненно, России надо стремиться к улучшению отношений с Польшей. Но, во-первых, отношения не оздоровить, безпринципно подыгрывая фальсификаторам, идя у них на поводу. Врачевать надо «бальзамом» правды, терпимости, взаимопонимания, сотрудничества. Несомненно, это относится и к польской стороне. Прежде всего, к ее руководству. Разве мы не видим, как неблагодарно на «руку дружбы польскому народу» откликается польская власть? Во-вторых, важно сознавать: есть отношения олигархическо-бюрократических кланов (с той и другой стороны) и есть отношения народов. Лично я питал и питаю к полякам дружественные чувства.

Исторический опыт показывает: бумеранг политического лицемерия и коварства рано или поздно возвращается и наносит удар по тем, кто его запустил. Думается, для теперешней российской власти ее позиция по катынскому и медновскому «делам», является серьезной проверкой на приверженность исторической справедливости, патриотизму, национальным интересам России. Объективности ради замечу: в последние годы на этом направлении происходят положительные изменения. Сама усложняющаяся международная обстановка побуждает руководство страны к этому. Но последняя точка далеко не поставлена.

Валерий Кириллов,
писатель, лауреат премии «Слово к народу»,
г. Тверь-Андреаполь

• Редкие песни

Песня истребителей

Посвящается отважной пятерке истребителей лейтенанта Михаила Осипова

Над аэродромов раскатился громом,
Рокотом знакомым самолет.
Это из-за тучи наш товарищ лучший
Боевой привет нам шлет.

Эх, и крепки ребята-ястребки,
С «Мессершмиттом» справится любой,
Ты согрей нас жарко, фронтовая чарка,
Завтра утром снова в бой.

Поделись победой, расскажи, поведай,
Как ты нынче справился с врагом,
За последней хатой рухнул фриц проклятый,
Загудела степь кругом.

Эх, и крепки ребята-ястребки и т. д.

Вспомни пруд широкий, тополь одинокий,
Золотой подсолнух под окном,
Вспомни мать седую, женку молодую.

Твой далекий, малый дом.

Эх, и крепки ребята-ястребки и т. д.

Выпьем вкруговую чарку фронтовую
За Дунай – советскую реку,
За любовь и дружбу, за родную службу
В истребительном полку.

Эх, и крепки ребята-ястребки,
С «Мессершмиттом» справится любой,
Ты согрей нас жарко, фронтовая чарка.
Завтра утром снова в бой.

Слова А. Штейнберг.
Музыка Табачникова.
Южный фронт.

Святослав МИХНЯ

г. Тверь

Родился в 1975 году в Твери, где и проживает. Окончил исторический факультет Тверского государственного университета. Поэт, журналист. Автор поэтических сборников «Невидимые дни» (2002 г.) и «Отступление в небо» (2011г.), нескольких краеведческих книг.

ОТ КОНТОР И ТРАКТИРОВ...

От контор и трактиров,
где базар и раздрай,
пусть спасет сиротливый
твой бревенчатый край.
Чья здесь тихая тайна
под киванье ветвей
по подсказке случайной
станет вдруг и твоей?
Скрыто что под резьбою
стен из ветхих дерев –
примиренность с судьбою
или жизнь нараспев?
Тайн грядущих носитель,
строй высоких стволов –
нерожденных обитель,

«ТВОЙ БРЕВЕНЧАТЫЙ КРАЙ...»

шелест выше голов.
И сияют покуда
небеса, как броня,
проникаешься чудом
неизбывности дня.

* * *

Брошь солнца, брошенная в
реку.
Мне осень шлюпки листьев
шлёт.
И облаков летящих млеко,
шепча, легчайший ветер пьёт.
Даль – притягательнее дома.
К стопам лениво волны льнут.
И небо томно смотрит в омут:
брошь солнца – брошенная –
тут.
Простор речистый, безъязыкий
не спит, но сам источник снов.
Тускнеющим, пугливым
бликам
тесны утёсы парусов.

* * *

По тихим заводям вечерним,
истыкан мачтами крестов
мой город утомлённо, мерно,
скользя под сводами мостов,
плывёт. По черепам
прибрежных
камней ступает молча ночь.
И клочья тучи ветер нежный
уносит прочь, уносит прочь...

* * *

По лестнице ветвей и сучьев
дождем спущусь я в этот лес,
из легкой мимолетной тучи
просыплюсь каплями с небес.
Упав с высот, ударюсь оземь
и стану странник прежних
дней,
и осенью сырой и поздней
пойду бродить среди корней,
в земле переплетенных тайно,
и по пружинящему мху,
поняв, сколь
призрачно-случайно
все, что вершится на веку.
Вдруг ощутив благую волю,
что освящает все пути,
пройти сквозь лес и выйти к
полю
и стеблем в небо прорасти.

* * *

Вот снег на шепот перешел.
Видать, к весне. Но не
скворечен,
ни трелей... Может хорошо,
что тишину наполнить нечем.
Вот разве голосом... Но он
молчаньем неба будет
встречен.
Набросив тучи капюшон,
издалека крадется вечер.
Снижаясь, снежный порошок,
как время, вдруг незримым
станет.
Но тельце циферблата ранят
мгновенья – за стежком
стежок...

* * *

Столько лет в чужие входил
дома,
чтобы вновь в ненужном
побыть тепле.
Что там было - то ли мела
зима,
то ли осень шаркала по земле.
Что там было – вспомнить мне
мудрено,
только Бог один и отыщет
след.
Ничего не помню, но все ж
одно

(окончание на стр. 15).

(начало на стр. 14).

знаю: много делал себе во вред.
По телячьей собственной доброте
тех,кто яд в бокале нес, привечал,
и легко пути выбирал не те,
и покорно брел,бубенцом бренчал.
Понимаю это в своем дому,
среди старых писем,бумаг и книг.
Новый лист возьму и тотчас пойму,
сколь нелеп окажется чистовик.

КОНЕЧНО, ВСЕ БУДЕТ КОНЧЕНО...

Конечно, все будет кончено,
как будто, несясь окрест,
внезапно пролает гончая
и сгинет из здешних мест.
Все будет, увы, просрочено,
и письма пришлет назад
иль выбросит на обочину
единственный адресат.
Покамест же, как конвертики,
к нам сверху слетают дни.
Мы в пальцах беспечно вертим их,
не зная, на что они.
Нас небом и светом потчуют
под шелест календаря,
снабжают воздушной почтою,–
и верится, что не зря.

* * *

Льнут невидимки-дни
к серым домам и окнам.
Будем вдвоем. Одни.
День или год – не срок нам.
Жизнь, словно гладь стекла,
может легко разбиться.
Лучше, чем есть, могла
стать она? Лишь присниться.
После разрыв и мгла.
Встреча не повторится.
Душам нужны тела,
чтобы соединиться.

* * *

Не замечая круговерть
часов, брожу я.
Незримо впитываю смерть,
пока чужую,
поскольку сам еще терплю,
смотрю и вижу:
жизнь устремляется к нулю,
к зиме поближе.
С двойною рамою окно
мое открыто;
небес холодных полотно
дождем омыто.
Он коготками по зонту
скребется дерзко,
а ветер ветви в высоту
кидает резко.
Там вечных облачных снегов
застыла пена.
Исчезнет след любых шагов
в ней постепенно.
Бесследна череда времен,
бесследно чудо,
чей смысл недопрояснен
кивком оттуда.
Как будто кто-то жизнь послал
письмом в конверте
мне, чтобы я не забывал
ее по смерти.

* * *

Сердце, как лампочка, перегорело,
тихо погасло и вмиг постарело,
перекатилось в костре угольком
и не желает болеть ни о ком.
Странно, затихло... В такие-то годы
рваться ему бы как вольные воды
из оболочки. как из-подо льда.
Нет, присмирело. Видать, навсегда.
Солнце, на небе сгорев, не согрело –
сердце,как лампочка, перегорело,
лопнула жизни вольфрамова нить.
День бы зажечь, проводок починить.

* * *

Сжалась жизнь до «Господи, прости!» –
и других волшебств ее не надо.
Сердце, присмирев в Его горсти,
сжатию такому только радо.
Мой обилен, светоносен век.
Он сложился так, а не иначе…
Пусть летит с небес короткий снег,
пусть никто о будущем не плачет.

* * *

Если жив, значит Господу нужен,
даже здесь, в Им забытой глуши,
где бываю я ветром разбужен,
что меж веток озябших шуршит;
где ни дальнего лепета речки
и ни скрипа проезжих телег,
только нежно ложится на плечи
тут же тающий вкрадчивый снег…
И вся жизнь здесь сплошная пропажа –
как очки у ослепших старух.
Остается на фоне пейзажа
обращаться в молчанье и слух.

Золотой запас

Анатолий Передреев

(1932—1987)

* * *

В атмосфере знакомого круга,
Где шумят об успехе своем,
Мы случайно заметим друг
друга,
Не случайно сойдемся вдвоем.

В суматохе имен и фамилий
Мы посмотрим друг другу в
глаза...
Хорошо, что в сегодняшнем
мире
Среднерусская есть полоса.

Хорошо, удивительно, славно,
Что тебе вспоминается тут,
Как цветут лопухи в
Лихославле,
Как деревья спокойно растут.
Не напрасно мы ищем союза,
Не напрасно проходят года...
Пусть же девочка русая – муза
Не изменит тебе никогда.
Да шумят тебе листья и травы,
Да хранят тебя Пушкин и Блок,
И не надо другой тебе славы,
Ты и с этой не столь одинок.

Вячеслав Богданов

(1937-1975)

ЖЕЛАНИЕ

В. Сорокину

За какими делами захватит
Час последний в дороге меня?
Я б хотел умереть на закате
На руках догоревшего дня.
Я с рожденья не верю в
беспечность.
И за это под шум деревень
Впереди будет — тихая
вечность,
Позади — голубеющий день...
Вам на память оставлю заботы,
Я не шел от забот стороной.
И покой на земле заработал —
День последний остался за
мной!
И за мной — отшумевшие
травы
И железных цехов голоса...
А во мне эту вечную славу
Приютили душа и глаза.
Приютили, взрастили, согрели
Всем, чем мы и горды и
сильны...
И вплели в полуночные трели
Соловьиной сквозной тишины.
По дорогам нетореным,
Тряским
Из-под рук моих песня и труд
Далеко уходили,
Как сказки,
И, как сказки, со мною уйдут!..

Максим Горький

(1868 - 1936)

ЛЕГЕНДА О МАРКО

В лесу над рекой жила фея,
В реке она часто купалась;
Но раз, позабыв осторожность,
В рыбацкие сети попалась.
Ее рыбаки испугались…
Но был с ними юноша Марко;
Схватил он красавицу-фею
И стал целовать ее жарко.
А фея, как гибкая ветка,
В могучих руках извивалась,
Да в Марковы очи глядела
И тихо чему-то смеялась…
Весь день она Марко ласкала,
А как только ночь наступила –
Пропала веселая фея, –
У Марко душа загрустила…
И дни ходит Марко, и ночи
В лесу над рекою Дунаем,
Все ищет, все стонет: «Где фея?»
Но волны смеются: «Не знаем».
Но он закричал им: «Вы лжете!
Вы сами играете с нею!»
И бросился юноша глупый
В Дунай, чтоб найти свою фею
Купается фея в Дунае,
Как раньше до Марко купалась;
А Марко уж нету… Но, все же,
О Марко хоть песня осталась.
.....
А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!

Печатный орган Содружества «Русская традиция» Выходит 1 раз в месяц Тираж 100 экз.
Ответственная за выпуск: М.А. Петрова
Адрес редакции: 172800, Тверская обл, г. Андреаполь, ул. Набережная, д. 1
e-mail: *valera.kirillov.46@mail.ru* сайт: *https://dvinskiiberezhok.wixsite.com/dvinskiiberezhok*